

DOI 10.18522/2415-8852-2023-3-84-115

УДК 821.161.1

СТЕНОГРАФИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Кирилл Алексеевич Левинсон

кандидат исторических наук, доктор философии, независимый исследователь (Вильнюс, Литва)

e-mail: kirill_levinson@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-3106-5574

Аннотация. В статье на материале малоизвестных публикаций и архивных документов описываются так называемое «стенографическое движение» и сопутствовавшая ему «стенографическая жизнь» – социально-культурные феномены, характерные для немецкоязычных стран на протяжении ряда десятилетий XIX–XX вв. В этот период на фоне распространения грамотности и расширения применения письменности шли два параллельных процесса: с одной стороны, оптимизировалась, унифицировалась и кодифицировалась орфография, с другой – развивалась стенография как способ фиксации текста, призванный дополнить алфавитное письмо или заменить его. Общим для этих двух процессов было то, что предлагаемые новации часто легитимировались посредством апелляции к рационально-капиталистическим ценностям, прежде всего экономии ресурсов и повышению эффективности. Из особенностей второго процесса следует отметить, во-первых, широкую институциональную базу стенографического движения в виде многочисленных общественных организаций; во-вторых, с занятиями стенографией и ее распространением был связан целый комплекс социальных институтов (профессия и карьера, досуг и социальное общение, реклама и пропаганда, конкурентная борьба и прозелитическая деятельность), показательный для неполитической части общественной жизни немецкоязычных стран изучаемого периода. Хотя стенография имеет античные корни, стенографическое движение и стенографическая жизнь интересны тем, что позволяют увидеть феномены модерна в регионе, считающемся образцом поздней модернизации: они основаны на секулярных ценностях, в их программах и практиках отражается бессловный, информационный характер общества, где массовое профессиональное обучение служит и социальным лифтом, и форумом социальных контактов.

Ключевые слова: история письменности, история стенографии, история Германии, история Австрии, история Швейцарии, история XIX века, история XX века, история общественных организаций

Девятнадцатое и начало двадцатого столетия в немецкоязычном ареале, о котором пойдет речь в этой статье, – эпоха, когда постепенно, пусть и с откатами назад (особенно после поражения революции 1848–1849 гг.), развивались и множились учреждения, в деятельности которых большое практическое и символическое значение имела быстрая и точная письменная фиксация устной речи: средние и высшие учебные заведения, гласные суды, представительские органы власти разных уровней, общественные организации, проводившие свои собрания и конгрессы, – везде применялся перевод устной речи в письменный протокол¹. Кроме того, большое – и все большее – количество письменных текстов создавалось и без связи с устной речью: письма, сочинения, статьи, репортажи, отчеты и прочие тексты, в том числе предназначенные для чтения про себя, а не вслух, писались, рассылались, публиковались десятками миллионов страниц в день. Соответственно, все большее количество людей, включенных в эти процессы производства и обработки письменных текстов, осознавало те немедленные и серьезные экономические преимущества, которые приносила экономия бумаги, чернил, типограф-

ской краски, рабочего времени наборщиков, а также времени, расходуемого на обучение грамоте, на написание текстов, их правку и чтение. Шел интенсивный поиск путей усовершенствования письменности. К этому подталкивало как недовольство имевшейся на тот момент орфографией, на изучение и использование которой требовалось, по мнению многих, слишком много времени и интеллектуальных усилий (или, наоборот, требовалась способность не думая принимать и автоматически применять нелогичные правила), так и общее развитие страны: движение шло в целом в сторону того, что можно в самом общем плане назвать «капиталистической рационализацией». Разноречивость орфографических правил многим немцам казалась несовместимой с капиталистически-рациональным и прусски-дисциплинированным духом времени, равно как и с набиравшими силу тенденциями к единству Германии, понимаемому как максимальное единообразие всего немецкого. Кроме того, возможность опираться на единый, кодифицированный и официальный стандарт сулила облегчение не только ученикам, но и учителям – особенно в оценивании письменных работ, а это имело все большее

¹ Эта статья представляет собой частично переработанный и дополненный материал, ранее опубликованный в [Левинсон].

значение по мере развития сети школ, гимназий, реальных училищ и прочих учебных заведений, аттестаты которых открывали пути карьерного роста.

Для «орфографического вопроса» предлагалось на протяжении XIX и начала XX в. множество решений разной степени радикальности. По своему направлению они могут быть разделены на **исторические** и **фонетические**. Первое подразумевало, что нужно вернуться к орфографии, которая использовалась в Средние века: она, по мнению Якоба Гримма и его последователей, была аутентичной, а потому более правильной с научной точки зрения. Фонетическая же орфография была призвана приблизить письмо к формуле «каждому звуку соответствует одна буква». По мнению ее адептов (среди наиболее радикальных следует назвать Фридриха Вильгельма Фрикке), она в силу своей простоты и понятности обеспечила бы существенную экономию времени и труда как учащихся, так и учителей. Таким образом, оба проекта отвечали идеалам своего времени, но разным: один – идеалу научности и идеалу немецкости, другой – идеалу капиталистической рациональности.

Ни тот, ни другой проекты не нашли безоговорочной поддержки в обществе. По мнению противников реформ, визуальное несходство слов, напечатанных по новой орфографии, затруднило бы чтение старых книг и тем самым оторвало бы немецкий на-

род от его литературного наследия. К тому же устранение этимологических признаков при фонетизации орфографии затруднило бы понимание многих слов. Легкость перехода на новые правила также играла важную роль в дискуссиях. Она оценивалась противниками реформы умозрительно, а радикальными реформаторами проверялась на практике, однако их аргументы сами по себе всегда оказывались недостаточно убедительными. Шанс на успех имели только наименее радикальные проекты, требовавшие минимума переучивания и не делавшие внешний вид текста чужим. Такие минимальные реформы готово было поддержать государство, а это, как показал опыт, было единственной (но не полной) гарантией того, что новая орфография победит в масштабе всей страны.

Отдельную «территорию», где власть традиции первое время почти не действовала, а потому нововведения могли возникать и распространяться намного быстрее и легче, представляла собой новая для Германии разновидность письма: стенография – техника высокоскоростной и при этом убоистой записи, в которой используются не буквы, а линии, отражающие сочетания букв или звуков, части слов и целые слова.

Стенографических систем (или школ, как их еще называли) в немецкоязычном ареале возникло в XIX в. множество. Первая – она была адаптацией английской – появилась

в самом конце XVIII в.¹. Затем их число дошло до сотни или сотен (если считать варианты). Действительно массовое распространение стенография получила в Германии в первой половине XIX в., после того как появилась собственно немецкая система, разработанная баварцем Францем Ксавером Габельсбергером. Она использовалась лично автором уже в 1820-х гг. на службе в парламенте Баварии, а опубликована была в 1834 г. (усовершенствованный вариант – в 1849 г.). Немного позже – в 1841 г. – опубликовал плоды своих многолетних усилий изобретатель другой немецкой стенографической системы, получившей большое распространение, – берлинец Генрих Август Вильгельм Штольце. Впоследствии появились десятки других систем, как построенных на базе одной из этих двух, так и сочетавших их принципы, реже – оригинальных, независимых от них. Но все они не достигли даже отдаленно сравнимой с ними популярности. Таким образом, примерно сто лет продолжалась эпоха стенографического плюрализма, пока в 1920–1930-х гг. не была по постановлению германского правительства разработана и введена Единая немецкая стенография, которая представля-

ла собой синтез нескольких систем. Однако подробный обзор истории немецкой стенографии не входит в задачи данной статьи²; здесь пойдет речь только о том, как работа, связанная с использованием, совершенствованием и преподаванием стенографических систем, формировала такие модели поведения и жизненные траектории людей, которые отразили и, со своей стороны, в чем-то определили облик эпохи модерна в Центральной Европе.

Стенография как искусство и как наука

О том, какие разные ценности отражали конкурирующие стенографические системы, лучше всего говорит сопоставление двух главных соперниц: если система Габельсбергера именовалась «искусством» (либо безоценочно – «искусством речевых знаков» – *Redezeichenkunst*, либо хвалебно – «высоким искусством»), то система Штольце и его последователей называлась «научной» [Steinbrink: 2]. Связано это с тем, что в основе системы «...Габельсбергера – гениальная интуиция, ... Штольце – железная последовательность» [Menz: 83]. В системе Габельсбергера некоторые буквы не обозначались,

¹ Стенографическая система Мозенгайля (1796) представляла собой адаптацию английской системы Тэйлора к немецкому языку. Большого распространения она не имела, и последующие системы не родственны ей.

² К классическим работам по истории стенографии относятся: [Faulmann; Johnen]. Новейшие работы: [Moser & Erbach; Kaden; Schneider & Blauert].

схожие звуки обозначалась одинаково, а легко восстанавливаемые по контексту части слов и предложений пропускались, так что расшифровка написанного требовала известного воображения («интуиции»), а зачастую и допускала разные варианты прочтения. Габельсбергер свою систему создавал и совершенствовал, не избегая неопределенностей и противоречий, нередко используя «оппортунистические», не согласованные друг с другом решения для частных случаев. Многое оставлялось на волю пишущего. Эта «свобода в интересах практики» делала его стенографию гибкой и – при известном уровне квалификации – сравнительно удобной в применении, но сложной в изучении, и очень затрудняла предпринятую его последователями работу по унификации правил системы. Что же касается целевой группы, то идеал Габельсбергера был скорее элитарным: он мечтал сделать стенографию достоянием «всех образованных людей», что означало в то время только представителей средних и высших слоев буржуазии и дворянства.

Трудность и непоследовательность габельсбергеровой стенографии, как указывали ее критики, вели к тому, что лишь не-

многие ученики даже после длительных занятий были способны действительно быстро и правильно вести записи с ее помощью. Шел поиск альтернативных решений, которые легче давались бы учащимся. Путь к такому облегчению берлинец Вильгельм Штольце усматривал в большей строгости и последовательности правил, а достичь этого он рассчитывал путем постановки дела на научную основу. В соответствии с принципами научности Штольце, много лет изучавший стенографические системы прошлого, проработавший огромную литературу по историческому языкознанию и комбинируя теорию Беккера, Гримма и Гумбольдта, принес в стенографию «дух точности, регулярности и полноты» [Geschichte der Kurzschrift]. Он создал систему, в которой выписывались почти все буквы и были «полностью соблюдены филологическая правильность и постоянная устойчивость орфографических обозначений (принципы, которые Пруссия взяла на вооружение, отличая себя тем самым от южногерманских государств)»¹. Идеалом Штольце было превратить стенографию в подлинно всеобщее письмо, которое полностью сменило бы традиционный алфавит,

¹ См.: Heinrich August Wilhelm Stolze, http://de.wikipedia.org/wiki/Heinrich_August_Wilhelm_Stolze. Ссылки на Википедию давать в академических публикациях не принято, но в данном случае это представляется оправданным, поскольку статья о Штольце интересна как образчик законсервировавшихся ценностных ориентаций середины XIX в.

позволяя экономить время, место и силы как при обучении, так и при записи и при расшрифровке текстов. К тому же книги, журналы и газеты, набранные стенографическим шрифтом, – а такие выпускались – требовали меньше бумаги и типографской краски, поскольку в них для отображения одного и того же слова или даже целой фразы понадобилось бы меньше знаков, чем в книгах, напечатанных обычными литерами.

В соответствии с этой целью, потенциальными пользователями системы Штольце считались «все». И в самом деле, с течением времени на курсах ей стали обучаться и рабочие, и ремесленники. С одной стороны, штольцеанцы ставили это себе в заслугу, с другой стороны, они признавали, что «усиленный приток из низших слоев общества» отпугивал представителей более «чистой публики» от участия в занятиях¹.

Стенографические системы не застывали, они постоянно совершенствовались, причем над их улучшением трудились не только сами изобретатели: «работа над системой» (Systemarbeit) велась в специально созданных организациях, рабочих группах и комиссиях, а у школы Габельсбергера имелся даже целый Королевский стенографический

институт в Дрездене. Хотя в нескольких университетах и торговых академиях существовали кафедры стенографии, они в институциональном плане имели задачу только преподавания, а не развития стенографии. Разработкой новых или совершенствованием существующих систем профессора этих кафедр занимались, так сказать, в частном порядке, в свободное от занятий время, как и прочие энтузиасты. Предлагаемые новации представлялись на обсуждение в национальные ассоциации, в дрезденский институт и на конгрессы, а если еще был жив создатель системы, то и ему лично. При обсуждении предлагаемых нововведений играли роль различные факторы – и субъективные (такие, как позиция автора системы или его личное отношение к тому, кто предложил новый вариант), и объективные: при таком большом количестве участников дискуссий неизбежно возникал целый спектр принципиальных разногласий. Например, если в целом можно сказать, что развитие систем шло в сторону упрощения, то суть «большой простоты» понималась по-разному: кто-то считал, что простота заключается в единообразии и отсутствии исключений, кто-то – в возможности свободного выбора из нескольких вари-

¹ Эти слова Макса Беклера, одного из ведущих деятелей системы Штольце-Шрая, злорадно цитировали его конкуренты из системы Меркеса [Merkesiana: 78].

антов; кто-то видел упрощение в приближении к знакомым всем правилам буквенного письма, кто-то – в уходе от них. В частности, некоторые штольцеанцы, стремясь сделать свою систему более простой для изучения и использования, предлагали отказаться от «филологической правильности», т. е. от деления слов на приставки, корни и суффиксы, от особого написания иностранных и заимствованных слов и еще от некоторых принципов, перенесенных в правила скоростной записи из орфографии обычного немецкого письма. Этим они навлекали на себя со стороны более консервативного крыла своей школы обвинение в «ненаучности», однако ответ на это обвинение был дан весьма показательный: один из теоретиков и реформаторов системы Штольце, д-р Густав Штайнбринк, в 1879 г. выступил с докладом «О понятии научности в области стенографии», который был потом опубликован и в стенографической прессе, и отдельной брошюрой [Steinbrink]. В этой отповеди обвинителем оратор начал с вопроса:

«Что же значит “научный”? Установлено ли уже, что в области стенографии следует понимать под научным подходом? В понимании старшего поколения штольцеанцев слово “научный” [wissenschaftlich] есть лишь сокращение для “такой, какой применяется в языкознании” [sprachwissenschaftlich]. То, что “научный” подход к стенографии всегда может означать лишь подход, идентичный применяемому

в науке о языке, для них само собой разумеется» [Steinbrink: 2].

Штайнбринк же был убежден, что языковедческий и научный подходы к стенографии – не обязательно идентичные понятия, и что понятие научного совершенствования стенографической системы не только допускает, но даже требует другой интерпретации: изобретатель стенографической системы, считал он, действует тем более научно, чем меньше он руководствуется простой субъективной прихотью и чем больше он основывает элементы своей системы на причинно-следственной, объективно проверяемой взаимосвязи. А кроме того, совершенствование стенографической системы Штайнбринк считал научным в той мере, «в какой мы на каждом этапе стремимся оценить масштаб планируемых нами изменений и максимально полно проанализировать и учесть те последствия, которые они вызовут» [Steinbrink: 2–4].

Поэтому в качестве одного из важнейших направлений совершенствования системы Штольце была определена разработка самых легких в изучении и исполнении знаков для самых распространенных сочетаний букв. Частотность оценивалась сначала интуитивно, «по ощущению», но в какой-то момент была сделана предметом точных подсчетов.

У школы Штольце головной организации или исследовательского института, подоб-

ного дрезденскому, не было, работа над системой велась децентрализованно в клубах и обществах. В 90-е гг. XIX в. 1320 добровольцев из членов штольцеанских стенографических ассоциаций под руководством Фридриха Вильгельма Кединга произвели подсчет частотности немецких слов, слогов и звуков, основываясь на литературных и публицистических текстах. В обработанном массиве данных было почти 11 миллионов слов (более 250 000 разных словоформ). На основе этого подсчета Кединг подготовил первый частотный словарь немецкого языка.

Работа по сбору и первичной обработке данных велась энтузиастами безвозмездно, но для издания словаря нужны были средства, которых ни у самого Кединга, ни у того стенографического клуба, к которому он принадлежал, не было. Убежденный в общенациональной значимости своего труда, ученый подал прошение на высочайшее имя, прося кайзера выделить 15 000 марок на оплату расходов по подготовке к печати создаваемого им частотного словаря. Перед принятием решения императорская канцелярия запросила экспертное заключение у филолога Конрада Бурдаха, состоявшего ординарным профессором университета в Галле. Он довольно скептически отозвался о значимости труда Кединга и о стенографии вообще. Я позволю себе привести пространную цитату из заключения профессора Бурдаха, потому что она – именно в своей полноте – прекрасно от-

ражает, во-первых, взаимоотношения между «стенографической наукой» (stenographische Wissenschaft) и филологией в конце XIX в., а во-вторых – тот идейно-ценностный контекст, в котором развивались в Германии того времени не только научные занятия, но и определенные формы социальной жизни. Бурдах обосновывал свое негативное заключение о проекте Кединга так:

«<...> невозможно не испытывать сильного недовольства, видя, как этот частотный словарь расхваливается его составителем в возвышенных словах как монументальный труд, имеющий национальное и идеальное значение и общенаучную ценность, в то время как по сути дела работа эта посвящена сугубо практической цели и направлена лишь на приземленные нужды в узко очерченной сфере определенных технических потребностей, а осуществляется чисто фабричным способом, силами работников, которые выступают одушевленными счетными машинами, подобно привлеченным [к труду] заключенным. Это напоминает благонамеренные, но смехотворные преувеличения, так часто встречающиеся в мире немецких клубов и спортивных обществ. Там, где какая-то группа немцев объединяется ради совместной деятельности, – будь то ради реформы орфографии, ради упражнений в езде на велосипеде, ради занятия стенографией или ради игры в шахматы, – никогда не будет недостатка в пламенных речах о высоком национальном значении, об идеальной ценности этого их общего дела. Глубинная тяга немецкого

народа к идеальным целям, лежащим вне пределов будничной профессиональной деятельности, со всей отчетливостью проявляется в этом. И когда, как в нынешние времена, подлинные идеалы оказывают мало действия на массы, в качестве замены им на первый план вырываются яркие пустышки. Частотный словарь г-на Кединга, на мой взгляд, должен и может принести значительную пользу лишь практике стенографии и, возможно, еще технике изготовления типографского набора. Я сам стенографии не знаю и не могу судить, имеет ли усовершенствование наших познаний в области частоты встречаемости немецких слов, слогов и обозначений звуков в самом деле такое большое значение для стенографического искусства, или, если воспользоваться на удивление невнятным выражением составителя, “для стенографической науки”. В том, что благодаря языковой статистике г-на Кединга будет окончен ведущийся со слепым ожесточением спор о преимуществах систем Штольце, Габельсбергера, Арендса и т. д. и будет создана единая, всеми признаваемая система, я очень сомневаюсь, ибо для этого сначала должен был бы отмереть германский партикуляризм, который проявляется столь невыносимым образом, например, в орфографическом движении. Кроме того я не убежден, подобно многим стенографистам, в том, что намерение решить вопрос о наиболее целесообразных стенографических формулах сокращения может быть осуществлено на основании лишь этого, столь разнородного, материала и к тому же путем его простой публикации в сыром виде <...>: скорее этого можно было бы добиться с помощью

построенного на нем связного доказательного рассуждения. <...> В развитии искусства стенографии я, во всяком случае, не могу усмотреть никакого безусловного прогресса или выгоды с точки зрения интересов истинного образования. Увеличение возможности мгновенно и в полном объеме фиксировать на письме услышанные слова представляет ценность только во вполне определенных случаях. Кроме того, она, как показывает опыт, ведет к поверхностному, механическому восприятию услышанного, к снижению способности действительно понимать услышанные слова, вникая в их взаимосвязь, а также к разнообразным другим отрицательным последствиям» [Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz I HA Rep. 89...].

Оплачивать это предприятие, считал Бурдах, должны «заинтересованные круги», а составителю словаря он предлагал выделить лишь около 1200 марок на завершение рукописи, которая затем могла бы быть сдана в библиотеку, где все желающие имели бы возможность с нею ознакомиться в открытом доступе.

Кедингу не повезло с экспертом. Бурдах был не лингвистом (их в то время было еще очень мало, а таких, кто пользовался бы настолько широкой известностью и авторитетом, чтобы его кандидатура пришла в голову кому-то в окружении кайзера, тем более), а типичным представителем немецкой филологической науки образца второй половины XIX столетия: он изучал германскую и клас-

сическую филологию, философию и психологию, защитил в 1880 г. диссертацию о миннезанге, при изучении которого сочетал биографически-хронологический подход и рассмотрение стилистики. Стилистические вопросы интересовали его и при последующем изучении языка Гёте. Работа под названием «От Средневековья к Реформации» (1893) обозначила переход Бурдаха к новой теме, которой он занимался до конца дней: его интересовали историко-философские корни Возрождения. Ни словарями, ни количественными методами исследования Бурдах не занимался. Его интересовало не столько настоящее, сколько прошлое немецкой словесности и не столько формальные, сколько смысловые ее аспекты. Трудно сказать, почему тем не менее было решено просить именно его об отзыве на прошение Кединга, если никакой связи между его учеными занятиями и работой по составлению частотного словаря не было, а в то же время имелись в Германии специалисты по более близким областям языкознания – Вильгельм Вильманс, Герман Пауль, Конрад Дуден и др. Они в свое время тоже начинали с изучения творчества древних авторов и миннезингеров, но потом пришли к занятиям современным языком и приобрели опыт лексикографической работы. Сведений о том, направлялись ли им из императорской канцелярии письма с просьбой об экспертных заключениях в этом деле, пока не обнаружено, поэтому мы

можем лишь гадать о том, почему экспертом стал именно Конрад Бурдах.

Как бы там ни было, представитель традиционного германского филологического цеха, обладатель ученой степени и высокой академической позиции Конрад Бурдах вполне закономерно не усмотрел в инициативе банковского счетовода и учителя стенографии Кединга ничего ценного для науки и немецкой нации. Здесь соединились факторы, связанные с его личным опытом, и нравы немецкого научного сообщества тех времен. Бурдах, судя по всему, привык считать филологию знанием о том, какие смыслы выражены теми или иными языковыми средствами в выдающихся произведениях мастеров художественного слова, а подсчет слов, слогов и звуков, не принимающий в расчет их значений, вероятно, не казался ему путем к познанию чего-либо важного, общезначимого в языке и тем более в культуре. В этом воззрении Бурдах был отнюдь не одинок: в 90-е гг. XIX в. оно еще господствовало в германской филологии, ориентированной на то, что сегодня рассматривается как один раздел филологической науки, называемый «литературоведением», в отличие другого раздела – «лингвистики». Лингвистика в то время еще только зарождалась, и только через несколько лет (хотя и при жизни того поколения, к которому принадлежали Бурдах и Кединг) ей суждено было обрести свои главные теории и дисциплинарные атрибуты.

Столь же типичным для германской научной среды конца XIX в. было и мнение, что человек, не относящийся к ученым, т. е. не закончивший университета (а Кеддинг вообще не получил не только высшего образования, но даже аттестата зрелости, оставив гимназию в предпоследнем классе; впрочем, об этих подробностях его биографии Бурдах вряд ли знал), не может заниматься наукой, вести серьезные исследования, выступать на равных с профессиональными лингвистами: за таким человеком признавались, самое большее, право и способность выступать потребителем популяризованных изложений того знания и тех идеалов, которые несли миру «настоящие» ученые.

Были и другие характеристики этого проекта, которые лишали его шансов на благосклонность эксперта-филолога: это не возвышенная, с точки зрения Бурдаха, цель и процедура обработки данных с использованием труда сотен добровольцев. И то, и другое противоречило идеалам древнегреческой и латинской словесности, как ее понимало большинство германских ученых-гуманитариев того времени, – идеалам человеческой красоты и величия во всех областях. Проекту недоставало идеалистических устремлений,

это была не наука ради науки, а исследование прикладное, т. е. в конечном счете ориентированное на низкие, меркантильные интересы – экономию ресурсов. Идеалом ученого в глазах приверженцев этих взглядов на науку¹ был прекрасный индивид, много работающий не только над прекрасными научными задачами, но и над совершенствованием собственного тела и духа, работающий бескорыстно и самоотверженно, красиво и разносторонне, самостоятельно, хотя и в окружении учеников.

Другой лагерь оказывался определен, так сказать, от противного: в него представители первого объединяли тех, кто по направленности или способам своей деятельности не соответствовал этим их идеалам, а придерживался (может быть, и не провозглашая этого) ценностей, которые они называли «материализмом», «американизмом», «меркантильным духом»: направлял свои исследовательские и организационные усилия на утилитарные, прикладные, практические цели, использовал методики, призванные минимизировать влияние личности исследователя на результат анализа, а также индустриальные методы промышленного и научного производства.

¹ В описании двух лагерей среди немецких ученых я опираюсь на статью [Дириг].

Нетрудно видеть, что Конрад Бурдах в своем экспертном заключении неоднократно маркирует принадлежность себя самого к первому лагерю, а Фридриха Вильгельма Кединга и возглавляемого им проекта – ко второму. Вместо идеального ученого – героического индивида, общающегося сквозь века с гениями немецкого духа, – и вместо прекрасного и подвижнического акта бескорыстного служения великой и общезначимой истине, взору профессора и тех, кому был адресован его текст, являлись сотни сгорбившихся над цифирью профанов, обслуживающих главного профана с его приземленной практической целью. Сравнения с фабрикой и каторгой не случайно возникли в заключении Бурдаха. Как промышленный капитализм, так и антигуманные практики современного государства были прямой противоположностью его идеалов чистой науки. Способ получения знания, применяемый Кедингом, решительно ставил его вне этой науки, равно как и цель, ради которой он работал и возвышенность которой он утверждал, а ученый Бурдах отрицал.

Таким образом, Кединг оказался в ситуации, когда против него в глазах Бурдаха было все: и фигура просителя, и тема, и цель, и методы его работы. Не удивительно поэтому, что отзыв был отрицательным. Скорее приходится удивляться, что эксперт предлагал все же выделить деньги на завер-

шение рукописи и выставить ее в библиотеке для изучения всеми любопытствующими.

Прошение Фридриха Вильгельма Кединга о выделении ему 15 000 марок удовлетворено не было. В этом смысле он потерпел неудачу. Однако, во-первых, свой труд ему все равно удалось в скором времени напечатать, а во-вторых, в том, что касалось развития науки, ему тоже суждено было стать победителем: его «Частотный словарь немецкого языка» не просто был признан новой наукой лингвистикой, а лег одним из краеугольных камней в ее фундамент, положив начало немецкой языковой статистике, и сохранил свое значение в ней на много десятилетий, так что в 1963 г. он даже был частично переиздан [Häufigkeitwörterbuch]. Только в середине XX в. у него стали появляться конкуренты, построенные на иных подсчетах [Vocabularium], а потом и на иных критериях отбора слов: например, с учетом лексики устной речи или со строгим соблюдением принципа синхронности. Эти принципы еще не были важны для Кединга: работая для нужд стенографистов, записывающих парламентские сессии, судебные процессы, научные конференции и деловые письма, он, тем не менее, счел необходимым включить в свой корпус текстов произведения немецкой словесности начиная с 1750 г., т. е. признавал, что немецкий язык – это письменный язык Лессинга, Гёте и Шиллера, а не (или не только) язык, на котором говорят люди во-

круг него. В этом смысле у него и у Бурдаха иерархия ценностей была одинаковой. Если профессор этого не отметил, то, возможно, лишь потому, что она казалась ему само собой разумеющейся и всеобщей.

Помимо словаря, ценным для развития науки оказался и сам материал, собранный и обработанный под руководством Кединга. Его проект по сей день остается самым крупномасштабным статистическим исследованием не только немецкого языка, но и языков вообще: все последующие сравнимые подсчеты в других странах охватывали гораздо меньшие массивы. Новый подсчет, произведенный в ФРГ в 1973 г. с помощью ЭВМ (на вдвое меньшем массиве), дал лишь незначительно отличающийся результат. Результаты подсчета частотности слов в немецком языке позволили Дж. К. Ципфу в 30-е гг. XX в. сформулировать общий статистический закон, согласно которому произведение ранга и встречаемости составляет приблизительно постоянную величину. Это открытие положило начало квантитативной лингвистике и к тому же стало вехой на пути

развития статистики и всех пользующихся ею дисциплин: так, в демографии установлено, что этому же закону подчиняется распределение численности жителей в городах страны. В XX в. труд Кединга составил базу для важнейших исследований по статистической лингвистике, таких как «Немецкая языковая статистика» Х. Майера¹ или серия работ, осуществленных под руководством В.Д. Ортмана в отделе научной дидактики Института им. Гёте с использованием ЭВМ [Hochfrequente; Zimmermann]. Кроме того, подсчет лег в основу множества лексикографических и дидактических работ, опиравшихся на такую концепцию базового словарного состава, которая гласит, что в учебники и словари-минимумы должны включаться именно лексические единицы, наиболее часто встречающиеся в данном языке.

Несмотря на все это, Кединг ни при жизни, ни после смерти не получил ни признания за пределами стенографического мира, ни наград за свои труды.

Не возникло и памятника ему в виде торжества системы Штольце, достигнутого бла-

¹ Хельмут Майер в течение 40 лет посвящал свое свободное время тому, что в одиночку вручную обрабатывал материалы Кединга. Результатом стала книга [Meier], которая оказалась настолько удачной и востребованной, что в 1967 г. был выпущен дополнительный тираж, а в 1978 г. – второе, исправленное и дополненное издание. На этой же основе Майер разработал для немецкого языка более эргономичную раскладку клавиатуры, где клавиши для наиболее часто встречающихся букв и их сочетаний расположены так, чтобы их можно было нажимать с наименьшим напряжением для мышц и связок руки.

годаря его научному подвигу: она не стала настолько радикально удобнее, чтобы это обеспечило ей решительный успех в конкуренции и заставило множество бывших габельсбергерианцев стать штольцеанцами или тех, кто только приступал к изучению стенографии, выбирать ту систему, где более частые буквы и комбинации букв писались проще и короче. Дело тут было явно не в том, что конкуренты воспользовались тем же методом усовершенствования своей системы: Стенографический институт в Дрездене подобной статистической работы, насколько можно судить по его публикациям, не вел¹, как не вел ее и мюнхенский Центральный клуб стенографистов-габельсбергерианцев², и о реформах системы Габельсбергера, основанных на частотности сочетаний букв, ничего не известно. Можно предположить, что по сравнению с удобством начертания отдельных знаков более важным конкурентным преимуществом оказалась институциональная укорененность системы Габельсбергера

в учебных заведениях и организациях-казачиках нескольких крупных немецких государств. Она приводила к эффекту положительной обратной связи (или эффекту координации): чем больше людей по обязанности обучалось этой системе в средних и высших учебных заведениях и потом по обязанности использовало ее на службе в государственном аппарате, тем большее распространение она получала и, в силу этого, тем вероятнее становилось, что и люди, имевшие выбор, избирали именно ее для изучения в клубах. Помимо удобства и быстроты очень важна была широкая востребованность системы.

Стенография как заработок и карьера

«Мы живем в такое время, когда каждому нужны деньги, много денег», – напоминала читателям одна из стенографических газет в 1918 г. [Der Tiro: 2]. А двадцатью годами ранее автор пропагандистской брошюры говорил о «нынешних временах, когда борьба за существование во всех областях бушует все

¹ Вероятно, именно по этой причине соперники габельсбергерианцев не упускали случая подчеркнуть, что научный уровень института невысок. Так, 5 августа 1903 г., посылая прусскому министру по делам религии, образования и здравоохранения экземпляр собственного журнала, Стенографический союз системы Штольце-Шрая (Берлин) для сравнения приложил к нему статью о «Вестнике Королевского Саксонского стенографического института», – «чтобы показать, как плохо его редакция справляется с задачей редактирования научного журнала» [Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz I NA Rep. 76...].

² Ассоциация, которая с конца 50-х гг. XIX в. взяла на себя ведущую роль в деле теоретической доработки этой системы, устранения ее противоречий и расхождений, накопившихся между ее баварскими, саксонскими и австрийскими вариантами.

более яростно и тот, кто экономически слабее, легко проигрывает в ней» [Jäkel: 3].

Стенографирование приносило экономические выгоды не только тем, кто быстро записывал что-то для себя. Оно с самого начала могло быть и платной услугой. На протяжении XIX столетия спрос на такую услугу нарастал. Масса текстов, которые нужно было быстро и точно записать и переработать, увеличивалась так быстро, что традиционные писари не могли справляться с новыми масштабами работ. В конце века появились первые пишущие машины, но далеко не сразу они стали удовлетворять возросшие потребности в области производства и обработки текстов, а главное – почти никогда на пишущей машине не достигалась такая скорость печати, которая позволяла бы надежно успевать за устной речью, льющейся без тех пауз и повторов, которые характерны для диктовки. Услуги стенографистов находили все больший спрос. Возникали новые рыночные ниши, в которых стенографисты находили постоянное или временное пропитание: не только индивидуальные заказы по протоколированию отдельных мероприятий, но и стенографические бюро, а также преподавание стенографии. Ближе к концу XIX в., по мере увеличения числа капиталистических предприятий и связей между ними, добавилась наиболее крупная, массовая ниша: стенографирование в делопроизводстве и письмоводительской практике коммерческого сектора.

Работа в парламентах была для немецких стенографистов наиболее притягательной целью, прежде всего в силу своей престижности. Оплата была не очень высокой, нагрузка – огромной, но быть стенографистом законодательного собрания земельного, а особенно имперского уровня значило для человека получить наивысшее признание как своих собственных профессиональных способностей, так и достоинств той системы, которой он пользовался. Парламентских стенографистов было всего несколько сотен по всем землям, вошедшим в состав Германской и Австро-Венгерской империй, и войти в их число было заветной мечтой новичков. Красноречивым подтверждением этому служит реклама одного берлинского кафе, помещенная в стенографической периодике на рубеже XIX–XX вв.: владелец приглашал стенографистов собираться у него, так как место очень удобно расположено: от него всего 50 минут на трамвае до здания рейхстага! Понятно, что реклама была рассчитана не только на тех немногих, кто действительно в этом здании работал, но на гораздо более широкий круг тех, кто мечтал туда попасть.

Если в парламентские бюро попадали только лучшие из лучших, то на такие заказы, как например, запись какого-нибудь съезда или судебного процесса, – могли рассчитывать уже сотни менее квалифицированных стенографистов, а быстро писать под диктовку мог научиться едва ли не каждый.

Причем, что важно, для стенографиста почти не имело значения, о чем именно шла речь в том тексте, который он должен был зафиксировать: написание специальных терминов и имен собственных быстро осваивалось в дополнение к базовым навыкам (а в ряде систем не соблюдался этимологический принцип в правописании, поэтому все слова, в том числе греческого или латинского происхождения, записывались так, как они звучали, и это избавляло пишущего от огромного количества проблем). Благодаря этому умение стенографировать позволяло человеку выполнять заказы в любой отрасли, имея минимальные познания в ее терминологии и почти не вдаваясь в рефлексии относительно содержания записываемого. Этот инфраструктурный и потенциально универсальный характер стенографических услуг давал людям, овладевшим быстрым письмом, способность гибко реагировать на меняющийся спрос на рынке труда и даже создавать для себя новые области приложения сил.

Не всякая связанная со стенографией работа была доходной сама по себе. Очень многое делалось бескорыстно, из «мессианских» побуждений: часто адепты стенографических школ стремились приобщить к стенографии как можно больше людей, чтобы облегчить им учебу, работу и вообще любую деятельность, связанную с записью. Например, преподавание на курсах при стенографических клубах и на факультативах

при учебных заведениях Пруссии денег учителям не приносило, так как занятия были бесплатными, с учеников брали только организационный сбор и деньги за учебные пособия и материалы. Но за деньги можно было выполнять собственно стенографирование, давать частные уроки или продавать специальные принадлежности – карандаши, блокноты, учебники. Владение техникой быстрой записи позволило многим людям, в том числе женщинам, особенно незамужним, спастись от нищеты или проституции при отсутствии других заработков и даже подниматься по имущественной и социальной лестнице, если они поступали на службу секретаршами. «Общественные условия нашего времени зачастую вынуждают девушек самих вставать на ноги и самостоятельно обеспечивать свое существование. Важным средством к получению самостоятельной работы выступает для женского пола стенография, позволяющая им обеспечивать себе хороший доход таким способом, который соответствует женской натуре», – писала одна из газет в 1903 г. [Einhundert]. Впрочем, высказывалось и другое мнение: Ф. Шпехт в книге «Кем может стать стенографист» [Specht] посвятил теме «Кем может стать стенографистка» отдельную главу, где описывал социальную карьеру, которую несколько дам сделали благодаря владению стенографией. Шпехт развивал мысль, что в обществе его времени становилось все больше таких жен-

щин, которые мужчинам были неинтересны, и их надо было как-то занять – поэтому их стали нанимать секретаршами. Такое впечатление могло возникнуть в силу того, что в последние десятилетия XIX в. выход на работу действительно стал для все большего числа немецких горожанок постоянной или хотя бы временной альтернативой замужеству. У секретарей-мужчин появились многочисленные соперницы, секретарши-«стенотипистки», которые, вооружившись блокнотом и карандашом, быстро записывали под диктовку шефа деловые письма, а потом перепечатывали их на пишущей машинке. Таким образом они с первого дня работы оказывались там, куда большинству рядовых сотрудников фирмы случалось попасть лишь в исключительных случаях: в кабинете директора. Для кого-то это был только способ заработать, для кого-то – еще и способ закрепиться в деловой среде и получить шанс на более высокую должность и / или обрести мужа или любовника с хорошим положением. В германской прессе, в том числе профессиональной, из этого аспекта карьеры стенотипистки не делалось секрета ни в XIX, ни в XX в.: «Девушки, умеющие записывать 200 слогов в минуту, имеют все шансы, и им открыта дорога замуж», – читаем мы в вестнике Эрингенского стенографического общества еще в 1954 г.

Более того: стенография давала возможность не только зарабатывать на жизнь, но

и делать карьеру, т. е. повышать вместе с профессиональными позициями свой социальный статус, причем порой «перескакивая через ступеньки». Приведу лишь два наиболее ярких примера.

Леопольд Конн (1820–1876) был выходцем из еврейской торговой семьи, и большая часть его жизни пришлось на период, когда в монархии Габсбургов иудеи еще не были полностью уравнены в правах с христианами. Он учился в гимназии и затем в реальном училище, работал в экспортной компании в Теплице, а в 1845–1848 гг. был управляющим императорско-королевской фабрикой шерстяных изделий в провинциальном чешском городке. Во время мартовских волнений 1848 г. он уехал в Вену, там занялся стенографией и поступил на работу в парламентское бюро стенографистов. После его расформирования он начал весьма активную деятельность как стенографист и преподаватель стенографии: основал «Первое австрийское бюро стенографистов», которое в 1849 г. опубликовало «Учебник Первого австрийского бюро стенографистов», в составлении которого принял участие сам Конн и который лег в основу так называемой Венской школы стенографии Габельсбергера. Кроме того, Конн вел уроки стенографии в большинстве гимназий и реальных училищ Вены, а в 1858 г., когда была основана Венская торговая академия, он, не имевший не только ученой степени, но даже высшего образования, занял

в ней должность профессора стенографии. Кроме того, Конн ввел стенографию в употребление во многих канцеляриях венских адвокатов, готовил многочисленные стенографические репортажи с судебных процессов для крупных венских газет. В 1860 г. он реорганизовал стенографическое бюро «Императорского и королевского усиленного императорского совета» (т. е. будущего парламента), в 1861 г. – бюро в провинциальных законодательных собраниях Моравии, Штирии, Словении, Каринтии и Буковины. Ему же было поручено формирование бюро Императорского совета, директором которого он оставался с 1861 г. до самой своей смерти. Таким образом, Леопольд Конн на время стал едва ли не монополистом или, во всяком случае, главным деятелем стенографии в школах и парламентских канцеляриях Австрии; под его влиянием были созданы государственные экзаменационные комиссии для преподавателей стенографии, которые установили монополию системы Габельсбергера в школьном образовании, и сам Конн до конца жизни был председателем Королевской государственной экзаменационной комиссии для кандидатов в учителя стенографии в Вене. На момент своей скоропостижной кончины от инсульта в 1876 г. он занимал несколько высоких и престижных постов в столице империи, был кавалером Ордена Франца-Иосифа, Золотой медали искусств и наук и Медали за заслуги Венской Всемир-

ной выставки [Faulmann: 77]. Несомненно, его продвижение по карьерной лестнице упростилось благодаря переходу в христианство, но все же одного этого шага было бы недостаточно, чтобы обеспечить малообразованному и незнатному провинциалу такие успехи. Важны были как его личная инициатива и энергия, так и огромная востребованность того спектра услуг, которые он сделал своей второй профессией.

Один из будущих сотрудников Конна, Иоганн Кристоф Карл Фаульман (1835–1894), который родился в Галле в семье мастерового, после ранней смерти отца посещал там начальную и среднюю школу при Сиротском приюте Франке. В 13 лет он поступил учеником наборщика в типографию и путем частных уроков приобрел обширные знания древних и новых языков. В 1851 г. он освоил стенографию по системе Штольце, а в 1852 г. у странствующего учителя выучился стенографировать по системе Габельсбергера. Благодаря этому Фаульман завязал контакт с Центральным обществом Габельсбергера в Мюнхене, которое в 1854 г. вызвало его, чтобы иметь в своем распоряжении наборщика, знакомого со стенографией. Вдохновленный шрифтами для стенографии Штольце, которые Императорская и Королевская государственная типография в Вене демонстрировала на Мюнхенской выставке 1854 г., Фаульман составил план подготовки шрифтов для стенографии Габельсбергера,

и в 1855 г. он был принят на работу в Придворную и Государственную типографию в Вене. Три года спустя он стал членом Венского центрального клуба стенографистов-габельсбергерянец, председатель которого, Леопольд Конн, привлек его к практической работе, но поскольку у Фаульмана были проблемы со слухом, вскоре он перестал практиковать как стенографист и переключился на преподавательскую деятельность. В 1859 г. Фаульман уволился из типографии и стал ассистентом Конна в преподавании стенографии. В это же время он под руководством языковеда и этнографа Мюллера изучал древнееврейский, персидский и санскрит. В 1861 г. он сдал учительский экзамен по стенографии, в 1864 г. стал преемником Конна в качестве преподавателя стенографии в венских школах, в 1868 г. – членом Государственной экзаменационной комиссии по стенографии Габельсбергера, в 1869 г. получил место преподавателя стенографии в Императорской и Королевской Терезианской академии, в 1876 г. – в Венском университете. На Всемирной выставке в Вене Фаульман получил медаль за свой набор типографских литер для стенографической печати, после чего их приобрела Придворная и Государственная типография. За эту стенографическую выставку Фаульман получил и другие награды – Медаль за заслуги и баварский Орден Святого Михаила. В 1874 г. он опубликовал свою систему под названием «Фонография»,

число сторонников которой, впрочем, никогда не превышало полутора тысяч человек. Помимо работы по улучшению стенографической печати, упрощению и распространению стенографии как преподаватель и изобретатель системы, Фаульман развил обширную литературную деятельность. Из его книг по истории письменности, этимологии немецкого языка и истории наук некоторые встретили похвалы за богатый иллюстративный материал высокого технического качества, но с научной точки зрения работы этого самоучки были подвергнуты уничтожающей критике. Тем не менее, в 1884 г. за свою деятельность в области стенографии и литературы Фаульман, не окончивший даже гимназии, в неполных 50 лет был удостоен звания профессора. В целом перед нами блестящая карьера, хотя надо отметить, что упомянутые награды и должности не означали автоматически высокого уровня жизни: так, из одиннадцати детей Фаульмана до взрослых лет дожили только четверо – это может свидетельствовать о том, что условия жизни, питание и качество медицинской помощи, который могла себе позволить его семья, по крайней мере, в 60–70-е гг., были скромными.

Стенография как образ жизни

При определенных обстоятельствах отношения, которые могли рассматриваться как упомянутые выше «шансы», начинали возникать еще до того, как обучающиеся достигали

большой сноровки в скоростном письме. Дело в том, что если в Австрии, Саксонии и Баварии стенография была введена в программу среднего образования, то в других немецких землях основным местом обучения были стенографические клубы, и количество обучающихся было огромным: на рубеже XIX–XX вв. только системе Габельсбергера училось более 4 000 000 человек, системе Штольце – около 3 000 000. Просто вступив в стенографический клуб и начав ходить на занятия, многие люди открывали для себя новые интеллектуальные и социальные горизонты, вырывались хотя бы на время из-под родительского и школьного контроля, обзаводились новыми знакомствами, осваивали новые социальные роли. Порой совместные занятия сводили людей вместе, и, познакомившись в клубе, они впоследствии связывали свои жизни друг с другом на многие годы. Один из подобных примеров, относящийся к первой половине XX в., приведен в автобиографическом рассказе женщины из Рурской области, который разбирает в своей книге «Вопросы к немецкой памяти» Л. Нитхаммер: «Знакомый [Эрики, работницы заводской канцелярии] по стенографическому обществу и молодежным церковным кружкам, тоже конторский служащий, был в армии, куда она ему слала ободряющие письма; во время отпуска он приезжает домой, и она с ним обручается, а в сентябре 1945 г. он возвращается, и через несколько месяцев они женятся» [Нитхаммер: 123].

Состоять в клубе еще не значило быть стенографистом или даже реально обучаться. Многие члены были «пассивными», т. е. не занимались собственно главной уставной деятельностью, а только участвовали во всяких сопутствующих мероприятиях: пикниках, экскурсиях, праздниках, балах, лотереях и пр. Активные члены, окончив курс, далеко не всегда продолжали упражняться и часто утрачивали приобретенные навыки. Для кого-то занятия были скорее данью моде, поводом провести время с друзьями или познакомиться с новыми людьми. Это не отличало организации стенографистов от других – например, хоровых, гимнастических или театральных. Отличительной же особенностью стенографических клубов было, пожалуй, прежде всего то, что обучение скоростному письму было – или, по крайней мере, могло и должно было стать – средством получения выгоды или экономии, или приобретения профессии, т. е. инвестицией в материальное процветание. В подавляющем большинстве других клубов не обучали ничему, что имело бы сопоставимую прагматическую ценность. Разве что организации эсперантистов, возникшие на рубеже XIX–XX вв., могли бы претендовать на сходство со стенографическими клубами в этом отношении: они тоже имели одной из главных своих целей именно обучение максимального числа людей тому, что призвано было существенно помочь им в учебе, в любой работе, в деловой и частной жизни.

С другой стороны, общей чертой стенографических и некоторых других клубов, особенно гимнастических, было то, что принятие ценностей системы и обучение новым навыкам понималось их идеологами как личностное самосовершенствование – в отличие, скажем, от приятного проведения досуга (для этого были игровые, хоровые, юмористические клубы), совместного отстаивания интересов и ценностей (в идеологических, ветеранских или земляческих ассоциациях) или взаимопомощи (как в благотворительных, лотерейных и профессиональных союзах). Человек, активно практиковавший и пропагандировавший стенографию, с точки зрения адептов системы, был наголову выше любого другого не только потому, что мог эффективнее использовать свои силы, время и прочие ресурсы, но и – а может быть, прежде всего – потому, что оказался способен вырваться из плена дурной традиции. Осознав, что новый способ записи во всех отношениях лучше старого, несовершенного, медленного и трудного алфавитного письма с его противоречивыми правилами, которые освящены лишь вековым обычаем, стенографист становился подобен тому, кто, узрев свет истины, бросал привычную жизнь и следовал за ним. Не зря ученики основателя той или иной стенографической системы зачастую назывались

«апостолами» (Apostel или Jünger).

С деятельностью стенографических клубов было связано возникновение еще одной культурной практики, которая со временем стала очень важной не только для немецкоязычной части Европы. Как уже было сказано, члены ассоциаций – стенографических, хоровых, гимнастических и других – регулярно совершали пешие коллективные прогулки, пикники и экскурсии. Для стенографистов высокая ценность выездов на природу имела рациональное обоснование как активный отдых от письма, помогающий не допускать мышечных спазмов, искривления позвоночника, ослабления зрения и прочих профессиональных заболеваний. Но – особенно для не стенографирующих членов клуба, но и для остальных тоже – это была еще и важная форма совместного времяпрепровождения в романтической атмосфере. К этому добавлялись и другие групповые практики, обладающие интегративным действием: спортивные соревнования и коллективные игры, совместные трапезы, обычно с употреблением алкоголя, а также – во время банкетов и на прогулках – пение хором. Репертуар заимствовался частично, так сказать, извне, но многие ассоциации имели и свои песни, сочиненные их членами, выпускали собственные песенники¹. Совместное

¹ См., например, сборник стихов и песен силезских стенографистов школы Штольце: [Ad].

пение «своих» песен, естественно, еще больше укрепляло чувство «мы». Со временем пешие прогулки в лесу и песни у костра стали еще и формой ухода от шумной и грязной (в прямом и переносном смысле) среды индустриализовавшихся городов, возвратом к природе, к простым и естественным формам существования – в то время это активно пропагандировалось движением за «реформу жизни» (*Lebensreformbewegung*) и становилось все более популярно. Все чаще маршруты таких долгих коллективных загородных прогулок вели не к руинам замков или ресторанчикам на берегу озера, а в уединенные леса и поля. Если речь шла не об однодневной прогулке, а о многодневном походе, то участники вырабатывали специальные организационные формы, обеспечивавшие сплоченность и управляемость групп. Особенно важно это было, когда в поход шли подростки.

В 90-е гг. XIX в. студент Герман Хофман, руководивший стенографическим кружком-факультативом в одной из гимназий Штеглица (ныне это район Берлина), начал ходить со своими учениками в такие пешие загородные походы на несколько дней. Довольно быстро для придания этой инициативе легального и приличного характера был создан туристический клуб, а в скором времени она разрослась в целое общенациональное юношеское движение пеших походников, получившее название «Перелетная птица» (*Wandervogel*), которое постепенно эволюционировало

в одно из наиболее значительных явлений в молодежной субкультуре Германии первой половины XX в. Многие из понятий, практик и организационных форм, характерных для «перелетных птиц» на тех или иных этапах их истории, впоследствии были свойственны и гораздо более идеологизированным и политизированным молодежным организациям, причем из всех частей партийного спектра, от нацистов справа до коммунистов слева. Среди наиболее заметных черт, которые мы встречаем позже и у «Гитлерюгенда», и у пионеров, и у скаутов, – иерархизированная по возрасту структура, романтика пения под гитару у лесного костра (хотя набор песен мог сильно различаться, были и такие песни из репертуара «перелетных птиц», которые потом пользовались популярностью у всех организаций, независимо от идеологической направленности), несколько повышенная – за счет отсутствия прямого родительского контроля – свобода нравов, а также ориентация на фигуру руководителя, называемого *Führer* (на русский это слово можно перевести по-разному: и «вождь», и «вожатый», и «предводитель», и «вожак»; коннотации всякий раз получатся разные, а в немецком слове все они были тогда нераздельны), доходившая временами до преклонения и обожания со стороны подчиненных и до диктаторских практик со стороны самого «фюрера». На протяжении истории организации *Wandervogel* у нее сменилось несколько по-

колений руководителей и несколько идейных и организационных моделей, поэтому нельзя говорить, что, например, правые или левые политические юношеские организации 20–30-х гг. XX в. прямо заимствовали что-то у стенографического кружка или тем более из него выросли. Прямой преемственности не было ни в организационном, ни в идейном плане (хотя в персональном могла быть), и некоторые элементы были неспецифичны: например, культ вождя-основателя был характерен и для гимнастических клубов, и для многих стенографических, без всякой связи с походами. Но тем не менее можно сказать, что в данном случае распространение некоторых практик – их можно обобщенно описать как обучение полезным и идеологически нагруженным навыкам (будь то навык быстрого письма, общения со сверстниками или ночевки в лесу) – исторически пришло скорее из стенографической среды в партийно-политическую, а не наоборот.

Не только риторика, но и многое другое – борьба внутри стенографических организаций и между ними, расколы и взаимные обвинения в них, демократические процедуры обсуждения и принятия решений в сочетании с культом основателей и вождей, активная пропагандистская деятельность, направленная как на привлечение новых сторонников, так и на дискредитацию противников, – сильно напоминает то, что знакомо нам по истории политических партий XIX–XX вв. О при-

чинах такого сходства и, возможно, даже некоторого взаимовлияния коммуникационных кодов на данном этапе исследований нельзя сказать ничего определенного. Пока приходится ограничиться лишь констатацией того эмпирического факта, что, в отличие от других видов неполитических общественных организаций – спортивных, художественных, благотворительных и пр., – стенографические были несравненно больше ориентированы на борьбу и агитацию. Можно предположить, что активная, страстная, основанная на глубоких убеждениях и лояльности, демократическая по организационным формам и при этом неполитическая деятельность, которой предавались в стенографических клубах и в специальной периодике многие немцы в XIX – начале XX в., служила для них безопасной заменой политической активности в условиях авторитарных политических режимов: напомним, что на протяжении периода реакции после революций 1848–1849 гг. общественным организациям в Пруссии и ряде других немецких земель была запрещена политическая деятельность, а в последней четверти XIX в., когда партии и парламенты в Германской империи в принципе действовали, канцлер Бисмарк неуклонно расширял список так называемых «врагов рейха», включая в него социал-демократов, центристов, левых либералов, партикуляристов, представителей партий и организаций этнических и языковых меньшинств и пр. Даже в отсутствие массовых репрессий

такая риторика со стороны одного из первых лиц государства могла заставить многих людей воспринимать открытую партийно-политическую активность как дело нежелательное и даже рискованное. Деятельность же ассоциаций с их демократическими принципами (такими, как отчеты и выборы председателей, принятие и изменение правил посредством голосования на общих собраниях членов, свободная пропаганда и конкуренция) представляла собой легитимную жизнь гражданского общества вне политического поля. Однако вопрос этот требует дальнейшего изучения.

Борьба и прозелитизм были необычайно важны, но все же ими далеко не исчерпывалась деятельность клубов. При знакомстве с источниками, описывающими ожесточенные дискуссии и веселые банкеты, напряженные соревнования и трудовые будни, нельзя не признать, что выражение «стенографическая жизнь», встречающееся в книге Фаульмана по истории стенографии [Faulmann: 148], часто было не метафорой, а вполне точным описанием происходящего: для множества людей со стенографией так или иначе была связана значительная часть их работы и учебы, их досуга, социальных контактов и отношений, их мыслей и переживаний, одним словом – их жизни.

*

Так продолжалось более века. Пропагандистская и творческая деятельность кипела,

стенография развивалась и совершенствовалась как техника, причем не только внутри отдельных школ: неоднократно предпринимались попытки соединить изобретения, сделанные в рамках разных систем. Обычно они разбивались о жесткое сопротивление всех школ, каждая из которых утверждала, что ее достоинства соединены в предлагаемой компромиссной системе с недостатками других систем и тем самым загублены. Наиболее заметным успешным опытом «гибридизации» стало соединение в 1897 г. стенографии Вильгельма Штольце с той, которая была разработана за десять лет до этого Фердинандом Шраем. Фактически элементы, восходившие к Шраю, составили как в количественном, так и в качественном отношении главное содержание новой «Объединенной системы Штольце-Шрая», но имя Штольце было поставлено в ее названии на первое место, чтобы сделать ее более привлекательной для его приверженцев. И в самом деле многие штольцеанцы вскоре перешли на новую систему, причем популярность она завоевала не только в Северной Германии, но и в Швейцарии, став там основной.

После революции 1918 г. правительство Веймарской республики взяло дело унификации стенографии в свои руки, провело ряд рабочих встреч и переговоров с представителями разных школ, а потом, в середине 1920-х гг., не считаясь с результатами этих переговоров, ввело синтетическую Единую

немецкую стенографию, объявив ее и только ее обязательной к употреблению в школах и государственных учреждениях. Поначалу она была непопулярна, но постепенно благодаря государственной поддержке получила монопольный статус. А остальные системы, независимо от их достоинств и недостатков, стали терять приверженцев в силу вышеупомянутого эффекта: людей и учреждений, использовавших только новую стенографию, становилось все больше, и тем, кто ею не владел, становилось все труднее найти заработок. Процесс монополизации завершили нацисты, которые переименовали «единую» стенографию в просто «немецкую», запретили преподавать и использовать в государственных учреждениях все остальные системы, а все стенографические организации слили в одну. После 1945 г. эти меры были отменены, однако популярность старых систем в Германии уже не восстановилась до такого уровня, чтобы составлять серьезную конкуренцию Единой стенографии. Гром многолетних баталий, впрочем, слышался еще очень долго: в 1954 г., по случаю 30-летия Единой стенографии, газета “Die Stenographenpost”, публикуя указ министра внутренних дел, согласно которому владение именно этой системой ставилось условием приема на службу в федеральные учреждения, одновременно писала о юбилейных общенациональных соревнованиях юных стенографистов, что те прошли с большим успехом и «тем самым

30 лет спустя после создания Единой стенографии было доказано то, что наши противники не хотят признавать: Единая стенография – система хорошая, и германская молодежь привержена ей» [Die Stenographenpost 1954]. Пять лет спустя эта же газета писала, что «если сегодня еще есть некоторые, желающие вернуть то положение вещей, которое царило более 35 лет назад, то это нас не смутит. Число вечно вчерашних настолько мало, что они практически вовсе незаметны» [Die Stenographenpost 1959] (отметим использование понятия «вечно вчерашние», которое в германской общественно-политической риторике послевоенных десятилетий применялось преимущественно к тем, кто продолжал исповедовать нацистские убеждения или, по крайней мере, не смирился с утратой восточных земель). Постепенно затухая и утрачивая актуальность для широких слоев, борьба стенографических школ продолжалась до тех пор, пока не ушло из активной жизни последнее поколение, учившееся до середины 1930-х гг. Еще и сегодня в Германии есть альтернативные стенографические системы, в том числе и такие, которые были разработаны уже во второй половине XX в., но они ведут скорее маргинальное существование, и о борьбе, подобной той, что бушевала 100–150 лет назад, сегодня никто уже и не вспоминает. Парламентские стенографисты до сих пор работают, но в целом эра широкого применения стенографии уходит в про-

шлое благодаря появлению диктофонов, компьютеров, обеспечивающих быструю печать и легкость правки, а затем и компьютерных программ, преобразующих устную речь в письменный текст. В мире больше нет кафедр и профессоров стенографии, сделать карьеру или даже заработать себе на пропитание стенография уже не позволяет. Массовое обучение стенографии в кружках, клубах и учебных заведениях сейчас уже не ведется, число и размеры организаций неуклонно сокращаются, как и число людей, которые используют стенографию для личных нужд и у которых со стенографическими обществами связана важная часть их жизненного опыта. Сегодня едва ли кто-то смог бы прочесть надписи на надгробиях Вильгельма Штольце и Генриха Роллера, а в самом скором будущем, вероятно, никто и не заподозрит, что эти завитки – не орнамент, а текст. Кончится не только стенографическая жизнь, но и стенографическая смерть.

Заключение

В тех странах, где во второй половине XIX – начале XX в. говорили по-немецки, процессы оптимизации, унификации и кодификации орфографии соседствовали с развитием стенографии и ростом популярности скоростной техники альтернативной фиксации устной речи. Обращение к ценностям капиталистической рациональности, экономии ресурсов и повышению эффективности использова-

лось для обоснования технологических новаций, сопровождающих модернизацию письменности и расширение области записи.

Широкую институциональную базу стенографического движения создавали общественные организации и энтузиасты. С его распространением теперь соотносили профессию и карьеру, досуг и общение, рекламу и пропаганду, конкурентную борьбу и прозелитическую деятельность. А стенографическая жизнь – будь то изобретение систем записи или их усовершенствование, использование техник скоростной записи в работе или превращение их в модное увлечение, преподавание или участие в деятельности стенографического кружка, – формировала новый горизонт биографических событий, влияла на построение карьерных траекторий, диктовала набор желательных качеств, спаянных с технологиями оптимизированного скоростного письма, рождала новые шансы и приводила в действие социальные лифты для современников.

Литература

Дириг, С. Трагедия Аполлона: любовь к античной Греции и эксперимент в лаборатории Дюбуа-Реймона // Наука и научность в исторической перспективе / под общ. ред. Д. Александрова и М. Хагера. СПб.: Алетейя, 2007. С. 184–226.

Левинсон, К. «Враждующие школы по природе своей – боевые организации»: из исто-

рии стенографии в Германии // Одиссей. Человек в истории. 2012: Предательство: опыт исторического анализа / под ред. И.Н. Данилевского и др. М.: Наука, 2013. С. 322–361.

Нитхаммер, Л. Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории / пер. К. Левинсона. М.: Новое издательство, 2012.

Ad, C. (1886). Gedichte und Lieder der Stolzeaner Schlesiens. O.O.u.V.

Der Tiro. Vereinsnachrichten des Stenographen-Vereins Scheithauer zu Trier. (1918). Trier.

Die Stenographenpost. (1954). 4.

Die Stenographenpost. (1959). 2.

Einhundert Jahre rationelles Schreiben. Retrieved from: <http://romancechat.reocities.com/CollegePark/Library/4886/chronik.html> (date of access: 23.08.2023).

Faulmann, K. (1895). Geschichte und Literatur der Stenographie. Wien: Bermann & Altmann.

Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz I HA Rep. 76 Kultusministerium VI Sekt. I x Nr. 5 Adhib. B Bd. 3. O.p.

Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz I HA Rep. 89 Geh. Zivilkabinet, jüngere Periode. Nr. 21380.

Geschichte der Kurzschrift. Retrieved from: <http://www.steno.ch/htm/120.htm#biografien> (date of access: 23.08.2023).

Jäkel, H. (1892). Roller oder Stolze? Eine Beleuchtung der Jacobsohnschen Kritik des Rollerschen Systems. Berlin: W. Hecht's Hofbuchdruckerei.

Johnen, C. (1940). Allgemeine Geschichte der Kurzschrift (4th ed., completely revised). Berlin: Apitz.

Kaden, W. (1999). Neue Geschichte der Stenographie. Von der Entstehung der Schrift bis zur Stenographie der Gegenwart. Dresden: Brixener Str. 6.

Kaeding, F.W. (Ed.) (1897–1898). Häufigkeitwörterbuch der deutschen Sprache. Teile 1–2. Steglitz: Selbstverlag.

Meier, H. (1964). Deutsche Sprachstatistik. Hildesheim: Olms.

Menz, A. (1920). Geschichte der Stenographie (2nd ed.). Berlin und Leipzig: De Gruyter.

Merkesiana. Fachblatt zur Förderung des Merkes'schen Stenographie-Systems. (1901). June.

Moser, F. & Erbach, K. (Eds.). (1990). Lebendige Kurzschriftgeschichte. Ein Führer durch Kurzschriftlehre und Kurzschriftgeschichte. 9. Auflage Darmstadt: Winkler.

Ortmann, W.D. (Ed.). (1975). Hochfrequente deutsche Wortformen. 7995 Wortformen der KAEDING-Zählung, rechnersortiert in alphabetischer und rückläufiger Folge, nach Häufigkeit und Hauptwortarten. Herausgegeben vom Goethe-Institut, Arbeitsstelle für wissenschaftliche Didaktik, Projekt Phonotheke. Munich: Goethe-Institut.

Schneider, L., & Blauert, G. (1936). Geschichte der deutschen Kurzschrift. Wolfenbüttel: Heckner.

Specht, F. (1910). Was ein Stenograph werden kann. Berlin: Schulze.

Steinbrink, G. (1879). *Über den Begriff der Wissenschaftlichkeit auf dem Gebiet der Stenographie*. Mit besonderer Beziehung auf das vereinfachte Stolzesche System. Vortrag, gehalten am 4. November 1878 im stenographischen Verein zu Berlin von Dr. G. Steinbrink. Separatabdruck aus dem „Archiv für Stenographie« Nummer 361 und 362. Berlin: Archiv für Stenographie.

Vocabularium voor het vreemde-talenonderwijs in het eerste leerjaar. (1985). *Levende Talen*, 84–101.

Zimmermann, H.H. (1982). Maschinelle Verfahren zur Erschließung von Textkorpora. In H. Fix, A. Rothkegel, & E. Stegentritt (Eds.), *Sprachen und Computer*. Festschrift zum 75. Geburtstag von Hans Eggers. Dudweiler: AQ-Verlag.

References

Ad, C. (1886). *Gedichte und Lieder der Stolzeaner Schlesiens* [Poems and songs of Silesian Stolzeans].

Der Tiro. Vereinsnachrichten des Stenographen-Vereins Scheithauer zu Trier [The Tiro. The Trier Scheithauer Stenography Association's news]. (1918). Trier.

Die Stenographenpost [The stenographer's mail]. (1954). 4, 1.

Die Stenographenpost [The stenographer's mail]. (1959). 2, 2.

Dierig, S. (2007). Tragedija Apollona: ljubov' k antichnoj Grecii i eksperiment v laboratorii Djubua-Rejmona [Apollo's tragedy:

philhellenism and experiment in Emil du Bois-Reymond's laboratory]. In D. Aleksandrov, & M. Hager (Eds.), *Nauka i nauchnost' v istoricheskoj perspektive* [Science and scientificity in historical retrospective]. Saint Petersburg: Aletya, 184–226.

Einhundert Jahre rationelles Schreiben [One hundred years of rational writing]. Retrieved from: <http://romancechat.reocities.com/CollegePark/Library/4886/chronik.html> (date of access: 23.08.2023).

Faulmann, K. (1895). *Geschichte und Litteratur der Stenographie* [History and literature of stenography]. Vienna: Bermann & Altmann.

Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz I HA Rep. 76 Kultusministerium VI Sekt. I x Nr. 5 Adhib. B Bd. 3, no pagination.

Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz I HA Rep. 89 Geh. Zivilkabinett, jüngere Periode. Nr. 21380.

Geschichte der Kurzschrift [History of shorthand writing]. Retrieved from: <http://www.steno.ch/htm/120.htm#biografien> (date of access: 23.08.2023).

Jäkel, H. (1892). *Roller oder Stolze? Eine Beleuchtung der Jacobsohnschen Kritik des Rollerschen Systems* [Roller or Stolze? An illumination of Jacobsohn's critique of Roller's system]. Berlin: W. Hecht's Hofbuchdruckerei.

Johnen, C. (1940). *Allgemeine Geschichte der Kurzschrift* [Universal history of shorthand writing] (4th ed., completely revised). Berlin: Apitz.

Kaden, W. (1999). *Neue Geschichte der Stenographie. Von der Entstehung der Schrift bis zur Stenographie der Gegenwart* [New history of shorthand. From the origin of writing to the stenography of the present day]. Dresden: Brixener Str. 6.

Kaeding, W. (Ed.) (1897/1898) *Häufigkeitswörterbuch der deutschen Sprache* [Frequency dictionary of German]. Steglitz: Selbstverlag.

Levinson, K. (2013) “Vrazhduyushchiye shkolyoprirodesvoyey–boevyyeorganizatsii”: iz istorii stenografii v Germanii [“The feuding schools are fighting organizations by nature”: towards the history of stenography in Germany]. *Odissey. Chelovek v istorii. 2012: Predatel'stvo: opyt istoricheskogo analiza* [Odysseus. Man in history. 2012: Betrayal: an attempt of historical analysis]. Moscow: Nauka. 322–361.

Meier, H. (1964). *Deutsche Sprachstatistik* [The language statistics of German]. Hildesheim: Olms.

Menz, A. (1920). *Geschichte der Stenographie* [History of stenography] (2nd ed.). Berlin und Leipzig: De Gruyter.

Merkesiana. Fachblatt zur Förderung des Merkes'schen Stenographie-Systems [Merkesiana. Professional journal for the promotion of Merkes' shorthand system]. (1901). June.

Moser, F. & Erbach, K. (Eds.). (1990). *Lebendige Kurzschriftgeschichte. Ein Führer durch Kurzschriftlehre und Kurzschriftgeschichte* [Living shorthand history. A guide through

shorthand theory and shorthand history] (9th ed). Darmstadt: Winkler.

Niethammer, L. (2012). *Voprosy k nemeckoj pamjati. Stat'i po ustnoj istorii* [Questions for the German memory. Articles on oral history]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Ortmann, W.D. (Ed.). (1975). *Hochfrequente deutsche Wortformen. 7995 Wortformen der KAEDING-Zählung, rechner-sortiert in alphabetischer und rückläufiger Folge, nach Häufigkeit und Hauptwortarten. Herausgegeben vom Goethe-Institut, Arbeitsstelle für wissenschaftliche Didaktik, Projekt Phonotheek* [High-frequency German word forms. 7995 word forms of the KAEDING census, computer-sorted in alphabetical and retrograde order, by frequency and main word types. Published by the Goethe-Institut, Work group for science didactics, Phonotheek project]. Munich: Goethe-Institut.

Schneider, L. & Blauert, G. (1936). *Geschichte der deutschen Kurzschrift* [History of the German shorthand writing]. Wolfenbüttel: Heckner.

Specht, F. (1910). *Was ein Stenograph werden kann* [What a stenographer can become]. Berlin: Schulze.

Steinbrink, G. (1879). Über den Begriff der Wissenschaftlichkeit auf dem Gebiet der Stenographie. *Mit besonderer Beziehung auf das vereinfachte Stolzesche System. Vortrag, gehalten am 4. November 1878 im stenographischen Verein zu Berlin von Dr. G. Steinbrink. Separatabdruck aus dem „Archiv für*

Stenographie» Nummer 361 und 362 [On the concept of scientificity in the field of shorthand. With special reference to the simplified Stolze system. Lecture given on November 4, 1878, at the Stenographic Association in Berlin by Dr. G. Steinbrink. Separate reprint from the “Archive for Stenography” issues 361 and 362]. Berlin: Archiv für Stenographie.

Vocabularium voor het vreemde-talenonderwijs in het eerste leerjaar [Vocabulary for foreign language teaching in first grade].

(1958). *Levende Talen* [Living Languages], 84–101.

Zimmermann, H.H. (1982). Maschinelle Verfahren zur Erschließung von Textkorpora [Machine methods for the indexing of text corpora]. In H. Fix, A. Rothkegel, & E. Stegentritt (Eds.), *Sprachen und Computer. Festschrift zum 75. Geburtstag von Hans Eggers* [Languages and computers. Commemorative publication for the 75th birthday of Hans Eggers]. Dudweiler: AQ-Verlag.

Для цитирования: Левинсон, К.А. Стенографическая жизнь // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 3. С. 84–115. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-3-84-115

For citation: Levinson, K.A. (2023). Stenographic life. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (3), 84–115. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-3-84-115

STENOGRAPHIC LIFE

Kirill A. Levinson, Cand. Sc. in History, PhD in History, independent researcher (Vilnius, Lithuania);
e-mail: kirill_levinson@hotmail.com

Abstract. The article draws on little-known publications and archival documents to describe the so-called “stenographic movement” and the accompanying “stenographic life,” socio-cultural phenomena characteristic of German-speaking countries during a number of decades of the 19th–20th centuries, when, against the background of the spread of literacy and the expanding use of writing, two parallel processes were taking place: on the one hand, orthography was being optimized, unified and codified, and on the other hand, stenography was developing as a method of text fixation designed to supplement or replace alphabetic writing. What these two processes had in common was that the proposed innovations were often legitimized by appealing to rational-capitalist values, above all resource conservation and efficiency. The peculiarities of the second process include, first, the broad institutional base of the stenographic movement in the form of numerous associations; second, a whole set of social institutions (e.g. profession and career, leisure and social communication, advertising and propaganda, competition and proselytizing activities) was associated with the use and dissemination of stenography. Although stenography has ancient roots, the stenographic movement and stenographic life are interesting parts of the non-political social life in the German-speaking countries of the period under study, because they allow us to see the phenomena of modernity in a region considered to be a model of late modernization: they are based on secular values, their programs and practices reflect the non-social, informational nature of society, and mass professional training serving as both a social lift and a forum for social contacts.

Key words: history of writing, history of stenography, history of Germany, history of Austria, history of Switzerland, history of the nineteenth century, history of the twentieth century, history of associations

